

ХОРОШИМ ДЕВОЧКАМ НЕЧЕГО ВСПОМНИТЬ

Дарья
Драгомирова

СЕКС
ВИНО
И КАМАМБЕР

Даша Драгомирова
Секс, вино и камамбер

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

Драгомирова Д.

Секс, вино и камамбер / Д. Драгомирова — «Центрполиграф»,
2021

ISBN 978-5-227-09343-1

В глазах окружающих Даша успешная молодая женщина, и жизнь у нее складывается наилучшим образом. Но после развода она уже не обманывает себя: все идет не так, все свои мечты она откладывает на какую-то другую жизнь. Это понимание погружает молодую женщину в тяжелую депрессию. Наконец Даша решает, что должна набраться смелости, расправить крылья и полететь... или упасть. Она отправляется в путешествие, чтобы открыть дверь в неизвестность, сулящую мир неограниченных возможностей...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-227-09343-1

© Драгомирова Д., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Часть вторая	31
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Даша Драгомирова

Секс, вино и камамбер

© Д. Драгомирова, 2021

© «Центрполиграф», 2021

* * *

ЭТО НЕ БЮДЖЕТНЫЙ ВАРИАНТ
«ЕСТЬ. МОЛИТЬСЯ. ЛЮБИТЬ».
У ГЕРОИНИ НЕТ ГОДА НА ПОИСКИ
СМЫСЛА, ГАРМОНИИ И ЛЮБВИ
В ИТАЛИИ, ИНДИИ И ИНДОНЕЗИИ.
У НЕЕ ТОЛЬКО ДВЕ НЕДЕЛИ, ЧТОБЫ
СТРЕМИТЕЛЬНО ПРОЕХАТЬ
ОТ АНГЛИИ
ДО ПОРТУГАЛИИ,
ПОЧУВСТВОВАТЬ БЕШЕНЫЙ
ПУЛЬС ЖИЗНИ
И ПОЛЮБИТЬ...
СЕБЯ

Часть первая

Предыстория. Путь самурая

Глава 1

Шаг в бездну

– У тебя вообще все норм, детей нет, выглядишь офигенно, работа есть, мужиков вокруг до хрена... Долго одна не останешься. Только знаешь, don't sell yourself short. Реально надо знать себе цену. А то мы какие-то контуженные этими отношениями все.

Марго ушла, но сочла необходимым повторить свою мысль в рабочем мессенджере. Меня не надо было ни в чем убеждать, но на всякий случай я скопировала текст сообщения и сохранила. Как послания из китайских печенок с предсказаниями, которые я ношу в кошельке. Письмо, адресованное самой себе на случай, если я вдруг забуду, что только что получила второй шанс начать все с чистого листа.

Справедливости ради, надо сказать, что в тот момент долгосрочные перспективы моей личной жизни меня не заботили. Чтобы как-то сохранить присутствие духа, я с головой уходила в работу, а когда возвращалась в мою безумную реальность, то обдумывала предстоящий переезд (побег?), который поставит окончательную, безапелляционную точку моему браку, и мне становилось дурно. В развале отношений всегда виноваты двое, но зачастую одному из них приходится взять на себя ответственность и в одиночку разрубить гордиев узел, насильно связывающий меж собой двух людей, которым уже давно бессмысленно быть вместе.

В огромное окно справа от моего стола нещадно палило послеобеденное солнце, слишком жаркое для конца лета. Там, внизу, закипали машины, неровными рядами покрывавшие квадрат корпоративной парковки. А если вытянуть шею и заглянуть вдаль, мимо загруженной автотрассы и унылых бетонных зданий, то можно окунуться в синюю полосу искрящегося на горизонте озера, сулящего свободу и счастье, безусловные и безграничные.

Как выяснилось сегодня, Марго тоже разводилась. Названная в честь булгаковской Маргариты, она делила с мужем инвестиционную недвижимость и двоих детей. Не сдержав данное себе обещание дотерпеть до их совершеннолетия, она сбежала от их отца к своему бывшему начальнику. Пару месяцев назад я заметила, что с ее шеи вдруг исчез кулон в форме сердца – кулон, который она никогда не снимала. Теперь же Марго демонстрировала пустой безымянный палец и цитировала прощальное письмо своей тетки: «Прости меня и как можно скорее забудь. Я тебя покидаю навек. Не ищи меня, это бесполезно. Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня».

Накал страстей достиг той точки, когда держать все в себе Марго больше не могла, а тут я хожу с перекошенным лицом. То есть про собственное перекошенное лицо я не знала. Думала, хорошо маскируюсь. Ошибалась.

Тогда я только начинала догадываться, что совсем не обязательно вести бой в одиночку. Что иногда люди, совсем непричастные к твоей жизни, могут очень помочь – словом, присутствием, советом. Я старалась не распространяться о том, что у меня происходит. Но по нелепому стечению обстоятельств, все в моей команде уже знали, что я расхожусь с мужем, и единственное, что держит нас под одной крышей, – это квартира, которую мы никак не можем продать. А Марго, знакомая, работающая этажом ниже, узнала во мне свои мучения, и, обменявшись ужасиками двух женщин, уходящих от мужей, нам обоим стало легче.

«Don't sell yourself short», – повторила я за Марго. Надо запомнить. Я так далеко в будущее не заглядывала. Меня больше интересовало, как найти комнату и съехать, то есть как

растоптать остатки мнимого благополучия и окончательно разбить сердце объективно хорошего человека. (Когда я была маленькая, я думала, что разводятся только негодяи. А потом я выросла, и оказалось, что развод никакого отношения к степени святости не имеет.)

Делясь офисными сплетнями, Марго рассказала, что я, оказывается, считаюсь «очень горячей штучкой». Но это так, за кадром. Статус самой востребованной женщины в офисе, полном накаченных мужчин, без сомнения, тешил самолюбие, но не более. Ведь за его пределами мой без-пяти-минут-бывший муж спивается, с ним я жить не могу, а больше жить негде. А когда я, наконец, куда-нибудь съеду, денег едва будет хватать на оплату съемной комнаты, половины ипотеки непродávающейся квартиры и кредита по машине...

Да и что лукавить, мужиков вокруг было достаточно, это факт, но, несмотря на их достоинства, ни один из них не был в состоянии мне помочь.

Иногда бывают ситуации, когда только ты и можешь себе помочь.

Последнее, что меня сейчас волновало, – это перспектива остаться одной. Вот уже восемь месяцев тянулось наше расставание, и эта дикая подмена понятий (мы завтракали вместе, часто ужинали вместе, как ни в чем не бывало ходили в гости) меня убивала. Словно мою душу непрерывно колесуют. Безжалостно, мучительно, медленно. Я металась между угрызениями совести, страхом ответственности, мучительной неопределенностью и нестерпимым желанием, чтобы все поскорее закончилось. Каждое утро я открывала глаза и не понимала, как дальше жить. Каждый день я приходила на работу и разворачивала бурную деятельность, дабы придать моему существованию хоть немного смысла. Каждый вечер я переступала порог нашей квартиры, не зная, в каком состоянии я найду пьющего от горя супруга, внутренне сжимаясь от необходимости провести еще один вечер дома.

В такой ситуации есть два варианта развития событий. Можно занять позицию жертвы и жалеть себя до потери пульса. Такая позиция очень щекочет самолюбие, она крайне удобна, поскольку тебе ничего не надо делать. А что ты можешь сделать, ты же бедная-несчастливая?! Второй вариант – жертвой не быть. То есть взять ответственность за все, что с тобой происходит. Да, это я озвучила, что нам надо развестись. Да, это я изо дня в день напоминаю, что мы разводимся. Это не просто свыкнуться с такой причинно-следственной цепочкой – отныне все, что со мной происходит, происходит потому, что мы разводимся по моей инициативе. Я даже знала, что могу обратить вспять цепную реакцию падающих костей домино. Достаточно лишь сказать – давай начнем все сначала, я не хочу тебя терять, мы совершаем ошибку, и т. д. и т. п. И эта сила, это полномочие изменить ход событий меня пугали неимоверно. Должно быть, так чувствовал себя Фродо с кольцом всевластия в кармане.

Но идти путем жертвы я больше не могла.

Мы лежали на траве у догорающего костра и смотрели на звезды.

– Ты не представляешь, какой кошмар творится у меня в голове, – сказала я устало.

– Только ты в состоянии положить ему конец, – сказал мой сосед.

Мне хотелось ему возразить, но не было сил. Мне хотелось сказать, что я не могу, я устала, у меня ничего не получается, мир мой рушится и мне некуда идти. Мне хотелось пожаловаться, но жалуются только жертвы. Протест застыл в горле, так и не получив словесной формы. Я ничего не сказала. А молчание – знак согласия. Только я в состоянии положить конец всему, что делало меня глубоко несчастной.

«Любовь – это желание жить», – сказал Максим Горький.

Последние несколько лет мне хотелось сдохнуть. Год за годом я методично засыпала нафталином свои мечты. Маленькие и большие, разумные и глупые. Мечты, которым не было места в этой жизни.

Я очень люблю жизнь во всех ее проявлениях. Мне нравится жить. Но оттого что я так люблю жизнь, мне хочется узнавать ее со всех сторон. Мне хочется ежедневно поглощать, пожирать ее на завтрак, обед и ужин, с аппетитом и обязательно с добавкой и десертом. Мне так много всего хотелось. Но я понимала, что ни одной из этих прекрасных грез не суждено сбыться. Я неоднократно ловила себя на том, что осознанно откладываю все на потом – нет, не на пять – десять лет, а на следующую жизнь. Мне даже хотелось поскорее реинкарнироваться, чтобы посмотреть, как я проживаю мечты из этой жизни в жизни новой. Я это представляла на полном серьезе.

Вот только даже профану в буддизме (кем я и являюсь) понятно, что упование на следующую жизнь заводит меня в тупик. Ведь если ты не усвоила уроков этой жизни, то в следующей снова столкнешься с теми же испытаниями и преградами, и так до бесконечности, из жизни в жизнь, пока ты не возьмешь ответственность за себя и за свое счастье, вместо того чтобы нагружать других людей этим непосильным грузом.

С какой стати кто-либо должен нести ответственность за твое счастье?

Раз в неделю, чтобы как-то держаться на плаву и отвлечься от своих невеселых дум (а может, чтобы окончательно убедить себя в том, что я негодяйка, ведь только негодяи разрушают с виду благополучные семьи), я сплю с мужчиной. Он – большой босс, каждый час его времени расписан по минутам. Он серьезный, ответственный, целеустремленный, амбициозный. Он фонтанирует силой, уверенностью и тестостероном. Он несвободен: подсознательно я выбираю исключительно женатых, чтобы не мешали мне решать мои проблемы. Я приезжаю к нему в офис, захожу в кабинет, закрываю дверь и сообщаю о своих желаниях. Он обхватывает меня своими сильными руками и выполняет все желания.

Он не знает, что я развожусь. Я считаю, что ему это знать излишне.

Иногда мы говорим об устройстве Вселенной и о том, как с ней общаться.

Он мне рассказывает, что надо взять листок бумаги, написать вопрос и положить под подушку. Во сне должен прийти ответ.

Только спрашивать надо четко и по существу. Именно о том, что больше всего волнует тебя в данный момент. Здесь и сейчас.

Я ложусь спать. Неопределенность с каждым днем становится все более и более невыносимой. Каждую неделю к нам приходят люди смотреть квартиру, и никто не покупает. Я не знаю, сколько это еще может продлиться. Я не знаю, на сколько меня хватит. Я больше не хочу так жить. Я больше не хочу приходить домой, не зная, чего ожидать. Я больше не хочу чувствовать себя палачом, расправившимся с нашим браком – только потому, что я взяла на себя ответственность вынести очевидный вердикт. Я хочу съехать, я хочу съехать, я хочу съехать. Но я не знаю, верный ли это шаг. Может, все-таки дождаться, пока квартиру продадим? Я боюсь причинить дополнительную боль своим уходом, неизбежную боль. Но я больше не могу ждать.

Я беру листок бумаги и пишу: «Стоит ли мне сейчас съезжать?» Это единственное, что меня сейчас интересует в мире. Я больше ничего не хочу знать. Я комкаю бумажку, кладу под кровать, выключаю свет и засыпаю.

Мне снится сон. Райский остров, белоснежный песок, чистое, синее небо, раскидистые пальмы, бирюзовый океан. Мы с мужем стоим на берегу спиной к воде, взявшись за руки и зарывшись ногами в песок. Внезапно поднимается волна. Она нас накрывает с головой и сбивает с ног. Мы погружаемся под воду, все еще держась за руки. Мне не страшно. Вода кристально чистая, и сквозь ее толщу проникают прямые нити солнечных лучей. Мне не страшно, но я хочу выбраться на сушу. Я делаю шаг по направлению к берегу и тяну мужа за руку. Он не сопротивляется, но и не следует за мной. Я делаю еще шаг вперед. Муж по-прежнему не двигается. И я не могу его сдвинуть с места. Я разжимаю пальцы и отпускаю его руку. Он остается на месте. Я уплываю вперед, к берегу.

Меня разбудил летний зной, заполнивший спальню тяжелым влажным теплом. Я оторвала голову от подушки и вспомнила сон. Мне уже давно не снились сны, очень давно. После завтрака я лезу в Интернет озадачивать сонники.

Вода означает очищение.

Необходимость измениться самому и изменить жизнь к лучшему.

Я пытаюсь выбраться, не испытывая страха, значит, трудности мне по плечу.

Большие волны, накрывающие с головой, знаменуют время больших перемен.

...Работает! Метод вопросов и ответов работает!!! Видимо, так Менделеев и увидел свою периодическую систему химических элементов.

Тут же мой восторг сменяется страхом. Работает. Я получила ответ на самый главный вопрос. Настало время менять себя и свою жизнь.

– Стоит ли мне сейчас съезжать? – спросила я.

– Конечно, стоит, – ответили мне.

Я получила ответ. Но мне понадобилось еще три месяца, чтобы решиться сделать первый шаг – как мне казалось – в бездну.

* * *

В двадцать девять лет я впервые прыгнула в воду с обрыва.

Даже прыжок в бассейн с самой маленькой вышки всегда вызывал у меня ярко выраженное чувство дискомфорта. Мне не нравилось, что на несколько секунд я теряю почву под ногами. Само падение не воспринималось мною как окрыляющее состояние полета – напротив, время тянулось нестерпимо долго, а предстоящее резкое погружение под воду делало ожидание мучительным. Временное отключение от реальности – зажмуренные глаза, задержанное дыхание, плотно закрытый рот, залитые водой уши – тут же запускает во мне режим выживания, и я начинаю отчаянно барахтаться, чтобы как можно скорее вынырнуть и глотнуть воздух – в подтверждение того, что я все еще существую в том измерении, которое покинула минуту (а может, несколько секунд) назад.

В конце лета я поехала с группой незнакомых мне энтузиастов в поход. Я себя классическим экстравертом не считаю, скорее я смешанный тип, но мне нравится находиться в большой компании, мне уютно в толпе, и я спокойно могу сорваться в поездку на выходные, никого толком не зная.

Мы приехали в палаточный лагерь на берегу бурной реки, по которой на следующее утро должны были сплавиться. Рафтинг давно был моей заветной мечтой – такой вот маленькой, незначительной, ничего радикально не меняющей мечтой, которую непременно хотелось осуществить. Непременно. Мне так хотелось плыть в надувной шестиместной лодке, подставлять мокрое от брызг лицо солнцу, проглядывающему сквозь облака, хотелось грести изо всех сил, преодолевая пороги, и бороться с бурлящим потоком, если упаду в воду.

Каждый раз, когда в моем присутствии упоминали рафтинг, я проигрывала идеальный сценарий неидеального сплава у себя в голове, и в груди начинало щемить. Эту безобидную мечту я тоже отложила на следующую жизнь. Как-то так получалось, что мои задумки не укладывались в мой брак. Осуществление различных порывов моей беспокойной души не представлялось возможным в рамках наших отношений. Нет, разошлись мы не из-за рафтинга, а потому, что различия между нами стали настолько острыми, что совместный рафтинг был невозможен.

Чтобы что-то изменить, нужно сделать первый шаг. И зачастую этот первый шаг нужно сделать в голове. Как только ты перестаешь отлынивать и на 100 процентов на что-то решаешься, обстоятельства сами собой начинают складываться в твою пользу, только поспевай за

ними. Но для этого надо точно знать, чего хочешь. Это как в картах – ты не можешь сначала открыть одну карту, а потом, увидев карту противника, заменить ее другой.

Это твой ход. Берешь карту и играешь ею до конца.

Однажды во время вечерней пробежки я поймала себя на том, что душа моя по-прежнему занимается каким-то необоснованным самобичеванием. Словно я несу наказание за то, что недостаточно вкладываю в отношения, недостаточно стараюсь на всеобщее благо. Как в прошлом, когда я была просто женой и никуда не собиралась уходить. Вот только отношений, как таковых, уже давно не было. Была одна видимость, но очень убедительная, поскольку мы жили вместе.

И тут меня накрыло. Я даже перестала бежать и остановилась посреди улицы. Восемь лет я честно и добросовестно пыталась привить себе чужое мировоззрение, чужие мечты, чужое определение счастья. Я поставила точку, объявив о разводе. Тем не менее последние восемь месяцев я провела в душном тумане, живя с четким осознанием того, что мы расходимся, но на людях делая вид, что все хорошо. Так больше не могло продолжаться. Точка. Я сделаю все возможное, чтобы найти комнату и переехать.

Я вернулась с пробежки и написала всем арендодателям в радиусе двадцати километров. На следующий день мне ответила женщина, которая сдавала несколько комнат у себя дома. Я назначаю встречу на 18:00. Мне хочется ее отменить, наверное, потому, что я уже знаю наперед: одна из комнат точно подойдет. Самая дешевая. Я увиливаю от необходимости нанести последний удар и разгромить в пух и прах все, что я так тщательно собирала по кусочкам, как пазл, пусть даже конечный результат не отражал моего представления о том, как должна выглядеть моя жизнь. Мозг предлагает любимый выход любого прокрастинатора – перенести встречу. Но моя неделя расписана до самых выходных, а в субботу я уезжаю на рафтинг.

Я приехала смотреть комнату. Маленький чуланчик в подвале с двумя окнами-бойницами едва укладывался в мой бюджет. Я сказала, что дам ответ до конца недели, но уже видела себя в этом чуланчике.

В машине меня ждет очередной любовник.

– Ну что, не подходит? – спросил он, внимательно разглядывая мое лицо, перекошенное осознанием необратимости разворачивающихся событий.

Сейчас я положу карту на стол, и мне придется ею играть.

Сейчас я сделаю шаг вперед, и мне придется нырять.

– Нет, как раз подходит, – тихо сказала я, заводя мотор.

Я веду машину, и мне страшно. Еще ничего не подписано, а уже страшно. У меня в руках выход, и я даже не рассматриваю его как вариант, который можно отклонить.

Это выход. Это выбор.

Дома муж, на редкость трезвый. Он приготовил вкусный ужин. Гостиная залита закатным солнцем – в огромные окна от пола до потолка льется огненный, душераздирающий закат, мрачно контрастирующий с синими тучами; густая листва старых деревьев в парке вдалеке – в моем любимом парке, куда мы так вдвоем и не выбрались и уже не выберемся – извивающаяся змея бело-зеленой электрички, бегущая вдоль автомагистрали; и озеро, огромное синее озеро, наполняющее мое сердце радостью и благодарностью всякий раз, когда я его вижу. Это квартира моей мечты. Я хотела такую. Это вид из окна моей мечты. Я хотела такой вид. Я попыталась наложить на ассимилированную мною жизнь мое собственное понимание жизни. И все закончилось провалом. В квартире моей мечты ни один из нас не был счастлив ни дня. Винтажный бирюзовый диван, перекликающийся цветом с водой в озере за окном, был немым свидетелем нашего нескончаемого страдания, общего и индивидуального.

И теперь этот диван, пропитанный вином и слезами, должен был присутствовать при очередном страдании. Общем и индивидуальном.

Мы сидели на полу, растворившись в убийственной тишине двух людей, у которых на глазах рушится их собственноручно созданный мир.

– Мне плохо, – сказала я.

– Что случилось? – ответил муж.

Я открыла рот, чтобы произнести слова. Сердце сжималось до боли, но мои страдания мне были безразличны. Душу рвало в клочья от необходимости причинить боль близкому мне человеку. Инстинкт самосохранения запаниковал: что ты делаешь?! Я стояла на краю пропасти глубиной в сорок восемь этажей.

Я открыла рот и произнесла:

– Я нашла комнату.

– Когда ты переедешь? – спросил муж, продолжая глядеть в потолок.

У нас прекрасные, высокие потолки, почти три метра.

– На следующей неделе, – ответила я, спрятала лицо в его ладони и заплакала.

Посреди сплава мы сделали небольшую остановку на берегу. Бурный поток с яростью разбивался об огромные скользкие валуны. По этим валунам мы аккуратно, гуськом, один за другим, поднимались на вершину обрыва. Прыгать вниз, в речку.

У самого края стоял гид и давал четкие инструкции. Прижать подбородок к груди, чтобы спасательный жилет не поднимался, прыгнуть, сгруппироваться, поджать ноги, войти в воду и тут же начать барахтаться. Как только вынырнул, начинаешь плыть на спине ногами вперед, входишь в порог, а после порога, после того как тебя два-три раза накрыло волной, гребешь изо всех сил к берегу, а иначе унесет течением и разобьет о камни.

Я стою в очереди на прыжок.

Я ничего не чувствую. Мне жутко смотреть, как другие, разбежавшись, падают камнем вниз.

Я ничего не чувствую, кроме необходимости прыгнуть.

То есть это и необходимостью не назовешь. Скорее, естественное развитие событий.

Прыгнуть.

Оставаться на берегу и наблюдать со стороны – этот вариант я не рассматривала.

Я встала у самого края. Посмотрела вниз. Долго падать. От высоты захватывало дух, а в животе комком вертелся примитивный, животный страх. Я повернулась к гиду.

– Страшно смотреть вниз, – проговорила я, нервно посмеиваясь.

И решила вниз больше не смотреть.

Что-то неуловимое происходит в голове, когда решаешься на дикий поступок, разрушающий безопасную предсказуемость текущей реальности. словно короткое замыкание, которое ты сам приводишь в исполнение, чтобы на миг отключиться. Я посмотрела перед собой – живописный обрыв, хвойный лес на горизонте, очарование уходящего лета в воздухе, здоровый адреналин, витающий в толпе за спиной. Я закрыла нос рукой и сделала шаг вперед.

В пустоту.

Время остановилось. Мне казалось, что я очень долго летела.

И как только я подумала, что слишком долго падаю, мое тело исчезло под водой.

Я вернулась домой. Обратный отсчет пошел.

Все было как в тумане. Совсем как во время прыжка.

Я сделала шаг в бездну, и мне казалось, что я все еще лечу.

Все происходило исключительно по моей инициативе – сама залезла, сама спрыгнула.

Настоящая свобода пугает и окрыляет одновременно.

Я еще не чувствовала крыльев за спиной. Но я больше не боялась полета.

Глава 2

Куда приводят мечты

Город тонул в вязкой черноте поздней ночи. Шел дождь. Не уютный такой, осенний дождик, тихонько постукивающий в окно, а настоящий проливной дождь, холодный и беспощадный. Была суббота, но улицы пустовали, и даже окна домов погасли раньше времени.

Я сидела за рулем старой раздолбанной «тойоты», загруженной под завязку моими вещами. Дворники размазывали медный свет фонарей по лобовому стеклу, руль поворачивался туго и неохотно, малейшее прикосновение к педали тормоза останавливало ход автомобиля рваным рывком. Ножки письменного стола, разложенного на заднем сиденье (единственный предмет мебели, который я взяла с собой), стучались в дверцу при каждом повороте. Тяжелые капли дождя громко колотили по крыше, а мне казалось, что весь мир онемел. В салоне повисла невыносимая тишина. Момент, который так долго маячил призрачным будущим, наконец наступил. Он был сюрреалистичен до абсурда – словно я смотрю фильм в 4D и проживаю историю главного героя в его же теле. Словно все происходит со мной, но не со мной. Я очень четко ощущала каждую грань этого момента. Я шагнула в бездну и теперь стремительно летела вниз.

Я включила радио, и в вакуумной тишине заиграл мелодичный джаз, очень соответствующий погоде за бортом и усиливающий кинематографичность ситуации. Едва я отвлеклась от дороги, мое сознание тут же узурпировал, парализовывал новейший факт моей биографии – я только что погрузила вещи в машину и покинула навсегда квартиру моей мечты и человека, с которым спокойно, безопасно и надежно.

Боковым зрением я видела пакеты с одеждой, коробку с посудой (одна глубокая тарелка, одна мелкая, чашка, кофеварка, сковородка, кастрюля, несколько вилок и ложек), связки книг, раскиданные по салону туфли. Это все, что осталось от моего статуса успешной, состоявшейся женщины. Когда-то, уже в прошлой жизни, я жила на берегу озера, была замужем, ездила на работу на новенькой спортивной машинке, носила бриллианты на безымянном пальце, в любой момент могла, не задумываясь, вызвать такси или купить понравившееся платье, в любое время могла уткнуться мужу в теплое плечо, и пожаловаться, и попросить приготовить мне на завтрак кофе по-турецки и бутерброд с грибами а-ля Джейми Оливер.

А что теперь? Куда я еду?

Я только что растоптала собственное благополучие, как сигаретный окуроч.

Каждые три километра из моего горла вырывались глухие рыдания, похожие на лай собаки, скулящей под забором. Рыдания я заедала картошкой фри из «Макдоналдса», запихивая ее горстями в свой искривленный плачем рот. Я сто лет не ела картошку фри из «Макдоналдса». Я не ем такое. Мне казалось, что я сейчас олицетворяю то, что мой муж называет «лоу лайфом», дном общества.

Ниже только плинтус.

В кармане лежал ключ от моей комнаты в подвале. Это был не просто ключ от замка – это был ключ зажигания необратимого действия. Получив его, я больше не могла оставаться дома. Ни дня. Сознание порой бывает очень принципиальным и представляет ситуацию так, словно потребность в конкретном действии, неотложность и срочность этого действия осязаемы, а не абстрактны. Я физически не могла больше оставаться в месте, которое когда-то считала домом.

Я подъехала к моему новому месту жительства и вышла из машины. Дождь лил как из ведра. Обитатели дома спали. Я взяла сумку с постельным бельем и открыла своим ключом входную дверь, ведущую в подвал. Пустой коридор пугал непроглядной тьмой. Я нащупала дверь моей комнаты, зашла и включила свет. Посреди стены грязно-голубого цвета, меж двух окошек-бойниц, сидела огромная сороконожка, размером с пол-ладони. Испуг и отвращение

на несколько мгновений сменили отчаяние. Я выдохнула. Сняла кроссовку и размазала тварь по стене. Спокойно и хладнокровно. Теперь только так. Я постелила простыню на старый одиночный матрас, найденный хозяйкой среди хлама в гараже, легла, не раздеваясь, укрылась одеялом и выключила свет. Я лежала на полу где-то на окраине Торонто, в подвале с сороконожками. Меня кусали клопы. Дождь не прекращался.

Дождь – хорошая примета. В добрый путь.

Я повернулась на бок и уснула сном человека, который долго шел и наконец дошел до своего пристанища.

Следующий день прошел как во сне. Я открыла глаза, увидела хмурое дождливое утро, струившееся в малюсенькие окошки под потолком, и поняла, что ночной переезд мне не приснился. Я больше не репетирую свой окончательный побег – он произошел на самом деле. Я с отвращением поднялась с матраса, кишевшего клопами. Кровоточила разорванная в клочья душа, мозг метался между состоянием «бей» и состоянием «беги». Сердца больше не было. Вместо него в груди была черная дыра. И лишь желудок, переварив скудный вчерашний ужин, состоявший из картошки фри, обильно приправленной слезами, требовал завтрак.

Я оделась, взяла зонт и пошла пешком до ближайшей кофейни. Я сидела в кресле в углу, пытаюсь спрятаться от сквозняка, как-то согреться горьким кофе и насытиться пресной овсянкой на воде. На некоторое время я погрузилась в бездейственное оцепенение, подкупающее своей обманчивой безопасностью.

Все будет хорошо.

Все будет хорошо, если я выйду из оцепенения и начну действовать.

Как заставить себя действовать, если ты только что самовольно перевернула свой мир с ног на голову, а теперь хочешь свернуться калачиком и впасть в анабиоз до лучших дней (то есть когда проблемы сами собой рассосутся)?

Правильно, составить план действий, требующий немедленного осуществления. Следуя примеру барона Мюнхгаузена, собственноручно вытащить себя из болота за волосы.

Разгрузить машину и разобрать вещи – это раз.

Купить продуктов на неделю – это два.

Обустроить новое жилище так, чтобы оно было удобным и функциональным, – это три.

М-да, горько усмехнулась я, вспомнив о своей каморке с видом на мусорку и соседский забор, и начала рисовать на салфетке план комнаты. Тут у нас будет матрас, в углу; стол поставим меж двух окон, там и розетка для компьютера, и свет днем попадает; рядом стул, справа от двери будет сушка для белья. О'кей, с функционалом разобрались. Еще бы уюта добавить. Народная мудрость и опыт поколений гласит, что любое пространство можно сделать жилым и уютным с помощью трех вещей: занавесок, ковра и цветов. Ну, занавески я точно здесь вешать не буду. А вот цветы надо будет купить. И не дохлый кактус, а букет ромашек в вазе. Я пририсовала небольшой коврик рядом с постелью... Ах да, матрас. Спать на этом клоповнике просто невозможно. Я уже это проходила, как раз лет восемь назад, когда мы с мужем были молоды и бедны и спали на полном живности матрасе, подобранном с улицы. Пора выводить существование на новый уровень.

Несмотря на ограниченный бюджет, я все-таки купила в Интернете тонкий походный матрасик, состоящий из трех подушек. Его и матрасом сложно назвать, скорее мягкая циновка. Зато ярко-красного цвета, цвета страсти, как я люблю. Ну или любила. Настоящее состояние внутреннего оцепенения не предусматривало никаких сильных эмоций.

Тем не менее план действий и план комнаты меня воодушевили. Допив кофе, я вышла в холодный сонный сентябрь и зашагала обратно, к месту, которое отныне на неопределенный срок будет служить мне домом.

– Ну что, как выходные? – спросила Марго, выходя из машины. На лице у нее отражался во всей красе серый понедельник и личная катастрофа. Вот уже месяц Марго снимала со своим новым мужчиной номер в гостинице неподалеку от дома за какие-то баснословные деньги. Каждый вечер она забирала детей из школы, привозила домой, кормила ужином, укладывала спать и уезжала, так как находиться с бывшим мужем под одной крышей было невыносимо. Каждое утро, до работы, она приезжала покормить детей завтраком и отвезти в школу.

– Переехала, – пробормотала я. По пути на работу я решила, что на этой неделе ни с кем не буду обсуждать мой переезд. – Не хочу об этом говорить.

– Жалеешь? Может, вернешься? – спросила Марго.

Я не жалела и напрочь забыла значение слова «вернуться».

Но как жить в моем новом амплуа, я пока не знала. Мне все еще казалось, что я прыгнула на дно общества и теперь пожизненно приговорена к примитивному существованию.

Белый задник. Яркий свет софитов. Щелкает затвором фотоаппарат. Я демонстрирую спортивную одежду для интернет-магазина одного из наших брендов. То, что именно меня из всего офиса выбрали для рекламы обтягивающих спортивных с логотипом компании, должно мне льстить. Но вот я стою, послушно кладу руку на бедро или отставляю носок в сторону, и мне совершенно безразлично, что со мной происходит. Фотограф показывает мне снимок. Плоский живот, накачанные ноги, широко раскрытые глаза, милая мордашка. . . Здесь не видно главного – выжженного пепелища у меня в душе.

– Удачи. Ты же знаешь, ты всегда можешь вернуться.

Я знала.

Но мы оба также знали, что я больше не вернусь.

* * *

Что такое мечты?

Мечты – это отражение собственного понимания счастья.

То, что заставляет улыбаться. То, что можешь делать с удовольствием, снова и снова. Или то, что случается однажды и остается навсегда.

Мечты бывают совсем маленькими и незначительными – но для конкретного человека они могут стать отдушиной, спасением, смыслом его существования.

Мечты есть у каждого. Чаще всего они ютятся в самом дальнем углу сердца и очень редко дают о себе знать. Когда человек на миг отвлечется от своей повседневности, поднимет голову – и ему примечтается. И он вздохнет, подумает – глупость я какую-то хочу, перебыюсь, – опускает голову и задвигает свои мечты подальше. И так из раза в раз, из года в год, пока он не состарится и в самом конце не начнет сожалеть о своей нерешительности и безвозвратно упущенных возможностях.

Много лет я боялась, что когда-нибудь мне будет «мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Потом я много лет пыталась осуществить либо чужие, либо общепринятые мечты. Успеть выйти замуж до определенного возраста. Попасть в определенную доходную категорию. Жить в своем доме. Открыть свой бизнес. Вот только, если это не твои собственные мечты, они либо с треском проваливаются, либо не доставляют должной радости. Да и мечты ли это? Взять, к примеру, зарплату, на которую можно достойно жить. Это цель. Необходимость. Условие для выживания. При должном усердии и удаче этой цели можно рано или поздно достичь. Но когда существование сводится исключительно к таким целям, жизнь теряет смысл.

Психологи говорят, что люди, не имеющие опыта счастья, считают свою жизнь пустой.

Счастье иррационально. Оно появляется просто так. Просто потому, что ты наконец решился вытащить из пыльного чулана своего сознания мечту и вдохнул в нее жизнь – или вдохнул ее в жизнь.

Не важно, как высоко котируется твое определение счастья на рынке. Главное, чтобы оно имело смысл конкретно для тебя.

Это так просто. И так сложно.

Как узнать, что таится на задворках души?

Простым хрестоматийным способом. Всяческие книги по самопознанию и самопомощи предлагают представить, что тебе осталось жить ограниченный отрезок времени – день, месяц, год. Как бы ты провела это время, зная наверняка, что жизнь твоя оборвется с последней секундой обратного отсчета? Представила? Вот это то, что тебе действительно важно; это и приносит счастье. Выводит существование за пределы базового выживания. Надо использовать каждую возможность и проживать жизнь так, словно она когда-нибудь закончится. Потому что она и вправду когда-нибудь закончится.

Я долго избегала подобных упражнений, так как догадывалась о несоответствии моего определения счастья с реальностью, которую я проживаю день за днем. А однажды, как всегда за рулем, я позволила себе задуматься, представить – чисто гипотетически, – как бы я провела свой последний месяц.

Мне стало радостно и грустно одновременно. Грустно потому, что я по привычке отложила все до следующей реинкарнации.

Радостно потому, что даже праздное размышление об этих маленьких мечтах доставляло мне удовольствие.

Я бы каждый день танцевала. Когда я танцую, мое тело наполняется счастьем, таким булькающим, нерафинированным, простым, искрящимся счастьем. В следующей жизни я обязательно стану танцовщицей. Или хореографом. Буду ставить пластические спектакли и абстрактные пантомимы. А в этой... в этой жизни мне просто хотелось танцевать.

Я бы пустилась в многодневное путешествие. Просыпаться каждый день в новом городе. Идти по незнакомым улицам, пока ноги не откажутся шагать. Очаровываться неизведанным. Быть не туристом, а странником, пилигримом, скитаться по свету и, узнавая мир, узнавать себя. Я была бы безумно счастлива, если бы смогла так проскитаться неделю, две, месяц, год... Я на любой срок согласна.

Я бы любила. Честно, жадно, без стыда и без оглядки. Я бы открывала сердце нараспашку, не боясь осуждения, не заботясь о том, что обо мне подумают. Я бы любила и была бы собой в этой любви. Не безопасной, удобной, упрощенной тенью себя, а самой настоящей собой, во всем своем великолепии. И меня любили бы в ответ – день, ночь, неделю, месяц, год – за то, что я такая, какая я есть. Дикая. Необузданная. Жизнерадостная. Лучезарная.

Если опыт иммиграции чему-то и учит, так это хвататься за возможность переписать свою историю заново. Оставить позади то, что не работает, – и попытаться жить так, как этого всегда хотелось. Осуществить свои мечты до вынесения смертного приговора.

Оставшись одна, я впервые почувствовала, что больше никому ничего не должна. Я честно примерила на себя чужие мечты, и мне они показались тесны в локтях. В духе русских революционеров 1917 года я разрушила свою жизнь, чтобы построить новую.

Осуществление мечты – это не слепая удача, не манна небесная, а упорная работа.

...Я начала с малого. Мы с мужем уже расстались, но все еще жили вместе. Пытаясь отвлечься от ужаса предстоящего вольного (одиначного) плавания, я записала на последней странице ежедневника все, что мне хотелось бы сделать в обозримом будущем. Первым пунктом была моя давнишняя, запыленная мечта – научиться танцевать сальсу.

Эту мечту я могла осуществить. С мужем мы уже толком не общались, и вечера пятницы я проводила как хотела. Однажды я подговорила подругу пойти на латинские танцы. Отработав вводное занятие в комнате сальсы, я зашла во второй зал, где танцевали неведомый мне танец – бачату. Пары медленно двигались под синим светом прожекторов в такт чувственной пронзительной мелодии. Чувственно-пронзительная – это как раз для меня. Попросив подругу показать мне основной шаг бачаты, я уверенно приняла приглашение на танец первого партнера. Затем второго, третьего. Мне казалось, что этот танец создан для меня. Я кайфовала от того, как естественно я чувствовала себя в его пластике и ритмике.

Следующие несколько месяцев каждую пятницу я шла танцевать бачату. Все это время я ежедневно проживала в течение двадцати четырех часов каждую из пяти стадий горя – отрицание, гнев, торг, депрессию и принятие, – но в пятницу вечером, мои душевные метания оставались за порогом клуба. Переобуываясь в коридоре в танцевальные туфли, я прислушивалась с замиранием сердца к доносящимся звукам музыки. Я входила в зал, расправив плечи и высоко поднимая голову. Мне казалось, что мне все по плечу. Что моя жизнь, мое счастье, мое благополучие в моих руках. С каждым из трех приставных шагов и четвертым «теплом» – основой танцевального рисунка – я убеждалась в том, что все делаю правильно.

Моя маленькая мечта, претворенная в жизнь после многолетнего затворничества в потемках души, «музыка горечи» бачата, была чуть ли не единственным источником радости и сил в те непростые времена.

Разрешите себе роскошь самой маленькой мечты. Это так просто.

Прошла первая неделя моего добровольного заключения в подвальной каморке. Наступили выходные, по-летнему знойные. Я скиталась по городу, никому не нужная и ошалевшая от происходящего. Тотальная эмоциональная дезориентация гнала меня куда глаза глядят – мне становилось спокойнее оттого, что я куда-то иду. Так в моих действиях была хоть какая-то определенность – направление, а соответственно, и смысл. Обессилев от слез, беспрестанно струящихся по моему лицу, и изнурительной прогулки по жаре, я зашла в кафе. Съела суп и салат, абсолютно не чувствуя вкуса. В кафе был аншлаг. Люди сидели за столиками и щебетали без умолку, беззаботно купаясь в безделье и неге. Мне стало страшно. Они болтают о всякой чепухе, в то время как моя жизнь катится в тартарары.

Почувствовав, что очередная волна рыданий подступает к горлу, я поспешила спрятаться в туалете. Закрыв за собой дверь кабинки, я опустила крышку унитаза, присела на край и долго всхлипывала, спрятав лицо в сгибе локтя. Тело пыталось справиться с запредельным отчаянием, охватившим все мое существо.

Почувствовав наконец, что запас горя на время иссяк, я подняла голову. На дверце, густо покрашенной белой краской, было написано черным фломастером: «Tout est possible». Все возможно. Кто-то сверху мне сообщал, что все возможно.

А что возможно?

Все. Абсолютно все.

Я достала из сумки телефон и сфотографировала надпись. Установила заставкой экрана. Теперь, каждый раз, когда я брала в руки телефон – чтобы позвонить, ответить на сообщение, посмотреть, который час, проверить погоду, залипнуть в соцсетях, – мне сообщалось, что все возможно. Все возможно. Все возможно. Я прочла это послание сотни раз, пока не убедилась, что это действительно так.

Все возможно.

Глава 3

Время зажигать звезды

– Я прибирался у себя в кабинете и нашел... вот, – сказал, немного смущаясь, Глен, мой начальник, протягивая мне мягкий сверток. – Наши партнеры подарили на одном бизнес-форуме.

Я взяла в руки пакет и заглянула внутрь. Там лежало тонкое синее одеяло, похожее на пледики, которые выдают в самолетах на трансатлантических перелетах.

– Бери, бери, – повторил он.

Глен был первым в офисе, кто узнал о моем разводе. Случайно. Мы с мужем только-только выставили квартиру на продажу и наивно полагали, что ее со дня на день купят. Мы сильно заблуждались, представляя себе сценарий цивилизованного расставания. Хотя нет, не так. Я не знаю, что мой муж думал о разводе. Я не спрашивала его мнения. Но мне казалось, что можно обойтись малой кровью, мы быстро разъедемся без лишних скандалов и тут же будем счастливы, по отдельности. А еще я не могла никому признаться, что развожусь. Само слово – развод – мне казалось страшным, почти матерным. У меня язык не поворачивался его произнести, словно я могла онеметь, превратиться в камень, как только озвучу страшный приговор, который я сама составила и сама должна была привести в исполнение.

И здесь я тоже заблуждалась. Не все, что заканчивается, плохо. Не все, что навечно, хорошо.

Как-то раз во время обеденного перерыва я сидела за столом и листала страницы риелторских сайтов. Я искала себе квартиру. Я так увлеклась, что совсем не заметила, как кто-то подкрался и встал за моей спиной.

– Ищешь недвижимость?

Я вскрикнула от неожиданности и обернулась. За спиной стоял мой начальник. Он спрашивал с неподдельным интересом.

Я не знала, что ему ответить.

– Не совсем, – промычала я, попеременно краснея и бледнея, судорожно (и безрезультатно) пытаюсь придумать на ходу объяснение.

– Продаешь? – продолжил он свой добродушный допрос, изучая спектр эмоций, отражающихся у меня на лице.

Застигнутая врасплох, я не успела натянуть свою обычную маску благополучия и теперь решила просто ничего не говорить, раз уже поздно притворяться.

– Угу, – снова промычала я, сделав большие глаза, означающие «ой, все сложно, не спрашивай».

Но, нащупав правильную нить, Глен принялся разматывать клубок.

– Все настолько плохо?

В голове я уже проклинала себя за то, что успела с ним подружиться. Поймав с поличным, он читал меня, как открытую книгу. Всему виной моя дурацкая привычка превращать начальников-мужчин в закадычных друзей. Фак.

– Все плохо, для того чтобы стало хорошо.

Я наконец-то вернула присутствие духа, реанимировала остроумие с красноречием и завершила своей коронной улыбкой. Хотя нет, не совсем. В улыбку добавилась боль, неприкрытая, правдивая боль, и закадычное взаимопонимание с первым человеком, узнавшим о моем разводе.

Я надеялась, что Глен поступит так, как поступают большинство людей, когда узнают о проблемах других людей, чужих. Посочувствует для приличия, а потом отстанет и никогда больше не будет касаться этой темы. Мне не хотелось, чтобы меня жалели. Я все еще стыдилась

происходящего. Мне казалось, что люди, знакомые и незнакомые, начнут показывать на меня пальцем и говорить: «Вот лузерша, такой брак профукала».

Но Глен не отставал. Теперь он совсем иначе интересовался моими делами и моим настроением. Низкорослый, добродушный и мягкий, он хотел хоть как-то меня поддержать. Я начала делиться с ним новостями. В общем, без конкретики. Я сетовала на неблагоприятные условия рынка недвижимости, говорила, что больше так жить не могу и что надо съезжать. Я могла провести целый час у него в кабинете, рассуждая об отношениях, о любви. Мне было комфортно, ведь я не разглашала никакой конфиденциальной информации. Но мне становилось чуточку легче оттого, что я делилась своей болью с другим человеком. Я никогда ни с кем не говорила о своих проблемах в семье. Сор из избы не выносят. Но изба горела, и я задыхалась от угарного газа.

...Одеяло пришлось кстати. В подвале было прохладно, а в сердце царил ядерная зима.

– Спасибо, – поблагодарила я, выдавив из себя улыбку.

– Тебе пригодится, – сказал Глен и ретировался к себе в кабинет.

Иногда книги нас находят. Это правда. Если в ней содержится хоть одна страница, которая предназначена тебе, то книга непременно тебя найдет. И будет назойливо лезть в руки, пока ты ее не откроешь и не начнешь ее читать.

За год до моей личной катастрофы в мире вышел бестселлер «Тонкое искусство пофигизма: Парадоксальный способ жить счастливо». Надо отдать должное гению маркетинга – сложно не заметить книгу с таким запоминающимся названием и обложкой ярко-оранжевого цвета. Но читать я ее не собиралась. Мало ли что напишут на обложке.

Ею заинтересовался мой муж, переживающий свой собственный кризис и тщетно стремящийся впасть в состояние здорового пофигизма. Как я уже говорила, в нашей новой квартире ни один из нас не был счастлив и дня.

Книга попадалась ему на глаза постоянно, в книжных лавках, в руках прохожих. Казалось, весь город постигал тонкое искусство жить счастливо, забив на все.

Муж книгу купил. Прочел первую главу и отложил. Не пошло. Забыл книгу на шезлонге, под проливным дождем. Книга промокла от корки до корки. Жирные черные буквы поползли по оранжевой обложке, как стекающие часы Дали.

Через полгода, готовя квартиру к продаже, я разбирала наш кабинет и наткнулась на растрепаный бестселлер, слегка подрастративший лоск своей кричащей оранжевой обложки. В один из темных зимних вечеров, наполненных звенящей пустотой и ужасом, который испытывает человек, оставшись один на один с последствиями собственных действий, я начала ее читать.

Автор разбирал совершенно очевидную истину – от проблем невозможно уйти. Любое решение, которое мы принимаем, влечет за собой целый набор сопутствующих проблем. Мы не можем их избежать, но мы можем выбирать проблемы, которые нам нравится решать.

Расставание влекло за собой определенные последствия. Потерю статуса успешной, востребованной, замужней женщины. (Успешной, потому что востребованной. Востребованной, потому что замужней.) Одиночество. Некоторые финансовые трудности.

Эти проблемы меня не пугали. Более того, мне было под силу их решить.

Как только я разобрала мой страх на составляющие и рассмотрела последствия, с которыми мне придется иметь дело, я пришла к выводу, что бояться нечего. Я все делаю правильно.

Да я, в общем-то, и не сомневалась.

Я жила в спартанских условиях, и меня устраивало такое существование. Меня давно привлекал бытовой минимализм, но, как и многое другое, простота домашнего хозяйства тоже

была отложена на следующую жизнь. А теперь волею обстоятельств у меня происходил своеобразный дауншифтинг.

Я кайфовала. Мне легко дышалось в жилом пространстве, где каждый предмет выполнял какую-то функцию и был обусловлен необходимостью. Я отпустила любые предрассудки о том, что правильно и как прилично. Я с радостью выкинула лишние вещи. Я стремилась к минимализму, чтобы упростить и облегчить жизнь во всех отношениях. Мне пришлось свести свой быт к постели на полу и двум тарелкам на кухне, и от этого я только выигрывала. Вместо неуправляемого хаоса меня окружала гармоничная свобода пустоты.

Я спала на тонкой походной циновке, чуть комфортнее, чем в палатке в лесу. Но это меня не заботило. Мне было все равно, по-хорошему все равно. А красный цвет добавлял ярких красок в повседневность – и взывал к моему женскому началу.

В углу я поставила зеркало – женщина не может жить без зеркала, – а перед матрасом постелила ярко-розовый коврик. Мне нравится розовый цвет, он дерзкий и взбалмошный. Синее одеяло Глена я постелила поверх моего старого, пухового. Так теплее.

Однако с наступлением ночи меня снова и снова накрывало необъяснимое отчаяние. Я гасила свет, ложилась в постель, зарывалась лицом в подушку и раздражалась глухими рыданиями. Темнота и пустота в сердце перекликались с темнотой и пустотой в комнате и засасывали меня в водоворот беспросветного горя. Нарыдавшись, я переворачивалась на спину и долго лежала с открытыми глазами, уставившись в одно из крошечных окошек, в которое попадал свет от соседского окна. Засыпала я лишь под утро, совсем обессилив от ночного бодрствования.

Однажды я проснулась и поняла, что встать с кровати выше моих сил. Я написала Глену, что буду после обеда, и отвернулась к стене, на которой играло солнечными бликами ясное осеннее утро. Мне было отрадно хоть на время спрятаться от всего мира и поддаться преследующему меня оцепенению.

Меня нет, меня нет, меня нет.

А раз меня нет, то нет проблем, нет ответственности за разрушение брака, нет глухой пустоты в сердце.

Меня нет.

Телефон, лежащий рядом на розовом коврике, завибрировал.

– Ты в порядке?

Марго обнаружила мое отсутствие на работе.

– Да, просто почти не спала ночью и теперь вообще никакая.

– Почему не спала?

Марго иногда бывает крайне дотошной.

Я пытаюсь не привлекать внимания к своему состоянию и ссылаюсь на проблемы со сном.

Но Марго не проведешь.

– Слушай, так нельзя.

Конечно, нельзя. Я знаю. Дайте мне три часа на слабость, и я вернусь в состояние боевой готовности.

Я закрываю глаза и погружаюсь в мягкий утренний сон, лениво прислушиваясь к убаюкивающему шелесту проезжающих машин за окном. Мне хорошо, потому что не надо притворяться, что все под контролем. Мне хорошо, потому что мне не надо ничего решать.

Снова звонит будильник, двумя часами позже. Я выхожу на общую кухню и варю кофе. Я люблю завтракать во внеурочное время, когда весь мир уже давно копошится в собственных неотложных, нескончаемых делах.

Медленно пережевывая овсяную кашу, я с тоской смотрю на унылую подвальную кухню и думаю о том, что будет, когда наступит зима. Окошки-бойницы занесет снегом, а вход в подвал придется каждый день откапывать. Совсем грустно будет.

А еще я думаю о том, что, оплатив первый и последний месяц аренды, я немного поиздержалась, и чем платить за следующий месяц, непонятно. Принципиальность не позволяла просить в долг, финансовая сознательность не позволяла увеличить долг на кредитке.

Где-то на закорках мозга шевелилась призрачная мечта, идея-фикс – уехать скитаться по миру. Мечта, которую я теперь, будучи предоставленной самой себе, могла осуществить. Мечта, об осуществлении которой я и думать не смела – из практических соображений, в основном финансового характера.

Снова вибрирует телефон. Марго вышла на обед.

– Слушай, есть вариант жилья для тебя. В лучших условиях. Товарищ у нас в офисе работал, хороший очень товарищ. Он сейчас без работы, ему нужен заработок. Там комната норм, и дом хороший, и о цене можно договориться.

Я соглашаюсь на встречу и на следующий день приезжаю смотреть комнату. У меня не будет отдельного входа с улицы, и ехать до работы дольше. Зато не придется платить за два месяца вперед. Зато я буду жить в теплом доме с большой оборудованной кухней и полноценной ванной комнатой. Без сороконожек и прочей живности. Я буду жить на втором этаже, в комнате с окном и кроватью. Я могу обо всем договориться.

Еще месяц в каморке, тот, последний, оплаченный, а там обратно, на свет божий. Жизнь налаживалась.

Я покорно сносила мое добровольное заключение в подвальном чуланчике, не прося никого о помощи. Марго предлагала вывести мое существование на качественно другой уровень. Она не знала, что своим участием только что решила мои денежные проблемы. И не только.

Финансовая несостыковка выровнялась сама собой. И тут же вновь пробудилась мечта, перерастающая в потребность.

Уехать-уехать-уехать.

Когда-то давно в маленькой рыболовецкой деревне на берегу залива Джорджиан-Бей я купила фосфоресцирующие звезды. Они приклеиваются на потолок, целый день впитывают солнечный свет, а ночью излучают свой собственный, тускло-лимонный. Я купила их, чтобы каждый вечер засыпать, глядя в звездное небо. Но прошло четыре года, а коробка со звездами так и пылилась нераспечатанной в ящике письменного стола. Я ждала, когда мы наконец переедем из ненавистой мне субурбии в центр, в квартиру, где я все настрою под себя. Но, оказавшись в стенах своей мечты, я поняла, что мне это не нужно. Я не хотела ничего под себя подстраивать. Я не воспринимала свой дом как дом. Мне даже в голову не приходило достать эти звезды. Да и потолки там были слишком высокие, а иллюминация большого города за окном заглушила бы скромную имитацию холодного света далеких солнц.

«Если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?»

...а если не зажигают, то, значит, и не нужно...

Однажды вечером я пришла в свою каморку, открыла коробку со звездами и наклеила их на стену, над красным матрасом. Я так долго хранила их для особого случая, и вот этот случай наступил. А может, и не наступил. Просто в тот вечер мне подумалось, что ими нужно воспользоваться прямо сейчас.

Не надо ждать, что кто-то сделает тебя счастливой или достанет для тебя звезду с неба. Ты сама можешь дотянуться до любой звезды.

С тех пор каждую ночь я засыпала, глядя на свои собственные звезды.

Одним холодным осенним утром я проснулась и почувствовала на лице улыбку. Прошел день, настала ночь, а за ней последовало новое утро. И снова мои губы разъезжались в улыбке, как только я открывала глаза.

Мне было хорошо. Мне мягко спалось на красном матрасе цвета страсти. Дождливое утро в маленьких окошках интриговало многообещающей неизвестностью будущего. От россыпи звезд на стене хотелось петь. Однажды я вернулась с работы и ощутила доселе неизвестное мне состояние – облегчение, которое испытывает человек, перешагнувший порог собственного дома, своей крепости. Здесь я чувствовала себя в безопасности. Здесь я обрела покой. Здесь я могла быть собой.

Дом – это место, где ты можешь быть собой.

У жизни поменялся вкус, и я старательно смаковала его, подобно искушенному сомелье в погребе винтажных вин. И подобно хмельной крепости выдержанного вина, этот вкус меня пьянил и вдохновлял на подвиги.

Глава 4

Три километра взлетной полосы

В календаре День благодарения. На дворе красно-желтый октябрь, дождливо-туманный, спокойно-загадочный. Поздний вечер. В столовой лесной базы подают праздничный ужин. После шестикилометровой гребли на каноэ под дождем и пятичасового похода до самой высокой точки природного парка Килларни мы греемся в баньке. Мы – это я и три мои спутницы. У нас разные истории, разные мечты, разные темпераменты и разные возрастные категории. Нас объединяет разносторонность интересов, опыт развода (суммарно десять на четверых) и бесстрашие.

В темноте плещется холодная северная вода. На противоположном берегу маленькой бухточки возвышается непроходимый дремучий лес, а там впереди, где заканчивается причал, простирается бескрайнее озеро Гурон. Линии горизонта не видно. Озеро сливается с ночным небом и зияет одной сплошной черной дырой.

Я стою на самом краешке причала. Лицом к лицу с могучей стихией. Один на один со Вселенной. И дух захватывает, и даже страшно от такого величия, и отрадно, что страх не останавливает, а воодушевляет.

Это первый День благодарения, когда я по-настоящему испытываю благодарность. Не потому, что так предписано традицией, а потому, что меня это чувство переполняет. Благодарность за то, что я здесь, а не в душной гостиной, слишком тесной для размаха моих крыльев, и мне больше не надо с притворным интересом поддерживать праздные разговоры и густо краснеть, потому что щепотка мускатного ореха в клюквенном варенье пришлась кому-то не по вкусу. Я благодарна за то, что больше не выдаю чуждую мне жизнь за мою собственную. Мне больше не надо себя ломать. У меня есть силы все пережить, все перемолоть и строить жизнь – свою жизнь – дальше. Мечтать и осуществлять эти мечты, и улыбаться, и находить в каждом дне свое маленькое счастье.

Я благодарна за то, что меня окружает монументальная природа, от которой захватывает дух. Я не одна – со мной рядом восхитительные женщины, которые все могут и ничего не боятся.

И, всматриваясь в непроглядную черную бездну, раскинутую передо мною, я думаю, что пора перестать оправдывать себя в собственных глазах и объяснять самой себе, зачем и почему я поступила так, как поступила. Настало время отряхнуться и идти дальше.

Рубеж пройден.

Happy Thanksgiving.

Иногда после ужина я беру тетрадь и работаю над проектом под названием «моя новая жизнь». Обычно это весьма тривиальное занятие – я расписываю каждый доллар зарплаты, дабы удостовериться, что я могу оплатить свои многочисленные счета. От сложных вычислений в столбик и дублирования на калькуляторе мне кажется, что все под контролем.

Вернувшись из Килларни, я заболела. Кое-как отсидев рабочий день, я приехала домой, ужинала, пила таблетки со снотворным и прямо в одежде легла спать под тремя одеялами. На фоне изматывающего недомогания у меня напрочь отсутствовала иррациональная слезливая жалость к себе, которая обычно накрывает во время болезни. Я даже рада была такому примитивному существованию – работа-ужин-сон-работа-ужин сон, – небольшой тайм-аут позволял мне перевести дух, переварить открытия моего сердца, лавиной обрушившиеся на меня за последний месяц, и подготовиться к новому рывку.

К концу недели я наконец-то почувствовала приятный прилив сил, характерный для человека выздоравливающего. Мне захотелось деятельности. Преодоление нового рубежа не

освободило меня от призраков прошлого (на тот момент прошлое было очень явным, осязаемым, все еще настоящим), но позволило поднять голову и слегка шевельнуть крыльями за спиной. Самую малость. Исключительно из экзистенциальных соображений – как напоминание, что они там есть и ждут полета.

Сведя дебет с кредитом, предупредив арендодателя, что я в конце месяца съеду, и договорившись об условиях аренды с новым, я осталась наедине не только с шевелением крыльев, но и с присутствием мечты. Одной большой мечты, которая тщательно маскировалась под банальную необходимость уйти в отпуск. Не просто уехать, а пуститься на три недели, которыми я располагала, в своеобразное паломничество. Мое собственное паломничество.

Инстинкт самосохранения, граничащий со страхом неизвестности и привязанностью к статус-кво (подобные страхи есть у всех, даже у отъявленных оторв, – вся разница в скорости и эффективности, с которыми мы справляемся с этими страхами), указывал на пустой счет и негласную корпоративную политику, не поощряющую работников отгуливать весь свой отпуск в один присест. Звезды над постелью, многокилометровые пробежки, позволяющие обдумать все на свете, и заставка на телефоне напоминали, что все возможно.

Уехать. Хоть на две недели. И как можно скорее.

Хорошо, подумала я, завтра подам заявление. На две недели.

Мой рабочий стол, как обычно в послеполуденные часы, залит солнечным светом. Я сажусь за компьютер, правой рукой проверяя почту, левой придерживая чашку с кофе.

В нижней панели пульсирует окошко мессенджера. Кто на этот раз?

Напарница. Классический интроверт, избегающий разговоров начистоту, она пишет мне сообщение, хоть нас разделяет лишь тонкая перегородка.

«Я в конце месяца ложусь на операцию, а потом у меня реабилитационный период до четырех недель. Прости, но на это время все на тебе».

Я смотрю на календарь и чувствую, как внутри меня все холодеет. Она называет даты, которые я собралась указать в заявлении на отпуск.

«Нет, что ты, не переживай, – пишу я в ответ, – здоровье превыше всего».

Здоровье действительно превыше всего. А мне что делать?

Допив кофе и подождав, пока уляжется ярость благородная, я делаю глубокий вдох, медленный выдох и направляюсь в кабинет начальника. Я стараюсь не пускать в ход главное женское оружие (слезы), но не скрываю своего расстройств.

– Ты же знаешь, мне весь год было не до этого! – восклицаю я, стоя в позе у настенного календаря напротив Глена. – Что мне теперь делать?

Глен обещает, что все уладит. Через день он сообщает, что высшее начальство милостиво разрешило мне уехать на три недели в декабре.

Три недели. Когда в следующий раз у меня будет шанс скитаться по миру целых три недели?

Carpe diem¹.

Я звоню Эдварду, моему новому арендодателю.

– Привет! Слушай, я в декабре уезжаю на три недели, так что, по сути, я только одну неделю из всего месяца проживу у тебя. Можно я заплачу только за нее? Я даже вывезу вещи на время моего отсутствия, чтобы ты мог сдавать комнату, пока меня не будет.

Эдвард рад любому заработку. А еще для пятидесяти лет лет у него удивительно чистая душа. Незамутненная и наивная, как у ребенка. Или ангела.

Короче, он не против. Уже денюжка в копилочку.

¹ Лови момент (лат.).

Я сажусь в машину и достаю из сумки телефон. Раз в год я могу запросить одноразовый перевод средств на счет с моей кредитной карты. Под ноль процентов на полгода.

Об этой акции я знаю от моего бывшего мужа. Он периодически прибежал к подобным услугам. Как человек старой закалки, больше всего я не люблю жить в минус и брать в долг. Но иногда бывают моменты, когда осуществление мечты становится превыше установленных правил, когда осуществление мечты становится потребностью, граничащей с одержимостью.

Я набираю телефон службы поддержки.

Через неделю у меня на счете три тысячи долларов. Сердце, полное надежд. И расправленные крылья за спиной, готовые к полету.

Я праздную свое выздоровление чаем с шоколадкой. Так странно, когда все, что надо для осуществления мечты, уже у тебя в руках. Тебе дано все, и даже больше, осталось только действовать.

Вот парадокс – денег едва хватало на то, чтобы в буквальном смысле свести концы с концами, а мечта сама собой начала осуществляться.

Я оставила чашку с чаем и открыла ноутбук. Подключилась к сети. И загрузила карты Гугл.

Такое потрясающее, непередаваемое чувство – когда открываешь карту мира, чтобы решить, куда ехать. В буквальном смысле – ткнул пальцем в точку на земном шаре и погнал. Мы так редко испытываем подобное состояние тотальной свободы. Когда я смотрю на наш мир, такой огромный и многоликий, у меня в животе порхают бабочки, сердце стучит быстрее и громче, мне хочется сесть на ближайший рейс хоть куда-нибудь и поскорее обнять мир. Весь мир.

Но надо с чего-то начинать. Куплю билет, а дальше разберусь.

Мне не хотелось терять ни минуты, поэтому я решила лететь в Лондон. Прямым рейсом из Торонто всего лишь шесть часов. А обратно? Сейчас все едут в Португалию, потому что там солнечно и дешево. Я тоже хотела в Португалию, потому что там солнечно и дешево. И потому что я там никогда не была. Лиссабон. Последним пунктом будет Лиссабон.

Я забила даты. Вдохнула. Выдохнула. И оплатила билет.

Обратной дороги нет.

Мне всегда нравилась идея *tabula rasa*, но не в том классическом понимании, в котором она существует в философии.

Наш разум при рождении представляет собой пустую страницу, белый холст, а наши знания, система ценностей, самоидентификация и позиционирование себя в мире формируются якобы лишь на основе чувственного восприятия внешнего мира. Этот эмпирический опыт, приобретенный в результате взаимодействия с окружающей средой, он логичный, рациональный. Но природа человеческая двойственна, и у рационального всегда есть обратная сторона. Животные инстинкты. Интуиция. Память предков. Опыт прошлых жизней. Роковая неизбежность. Априорные знания, увековеченные невидимыми чернилами на обороте чистого листа нашего сознания, с которым мы рождаемся.

Древние римляне называли табулой *раса* выскобленную начисто восковую доску для письма. Табула *раса*. Свести все на нет и начать с чистого листа. Перевернуть страницу. Родиться снова. Дать себе (в которой раз) (очередной) второй шанс.

Для меня тема табулы *раса* становится особо актуальной в конце года. Тридцать первого декабря я подвожу итоги, вспоминаю знаменательные происшествия или просто моменты, навсегда запавшие в душу ярким всплеском эмоций и солнечного света. После эдакого ритуального прощания с годом уходящим наступает черед встречать год грядущий. И вот как раз ритуал вступления в новый год у меня всегда ассоциировался с перевернутыми страницами

и началом собственной истории с чистого листа, даже если ничего коренным образом (вроде) не поменялось.

Наверное, из-за моей одержимости вытертыми начисто поверхностями то, что я стану активным пользователем офисных магнитно-маркерных досок, было лишь вопросом времени.

Все началось на работе. Напротив моего стола установлена большая доска, одновременно служащая перегородкой. Сначала я записывала здесь важную информацию, которая всегда должна быть под рукой. Потом стала расписывать задания, над которыми работаю, цепи размышлений, планы презентаций, случайные не связанные между собой идеи и многое другое.

Больше всего мне нравилось в конце недели все стирать и придумывать новый план моей профессиональной деятельности на большом белоснежном квадрате.

Когда я переехала в мою подвальную каморку, земля под ногами пошатнулась, в голове воцарился хаос, но, чтобы перевернуть свой мир и начать жить заново, мне нужна была точка опоры.

Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир.

Для меня точкой опоры был план. Конкретный план действий на ближайшее будущее. Когда все вокруг рушится, надо знать, куда ты идешь и что делаешь.

На следующий день после переезда я зашла в магазин и купила самую дешевую доску с одним-единственным черным маркером. Доску я разделила на две половины. В верхней части я расписала неделю по дням – когда надо сдать машину в ремонт, когда мы с Марго пьем вино, мои пробежки. Вторая половина была менее систематизирована. Здесь жили не сиюминутные дела, а долгоиграющие проекты, проекты-мечты, а также актуальные на данный момент мысли, где-то мною прочитанные, где-то мною подслушанные – мысли, не дающие сойти с выбранного мною пути.

«We either make ourselves miserable, or make ourselves strong. The amount of work is the same»² (Carlos Castaneda).

Из недели в неделю содержимое доски менялось. Я стирала, исправляла, записывала, расписывала – и каждое утро, собираясь на работу и сверяясь с самодельным календарем на доске, вспоминала о том, чего я хочу и о чем мечтаю, и перечитывала напоминки, которые сама себе написала. We either make ourselves miserable, or make ourselves strong. The amount of work is the same.

И вот теперь, когда электронный билет на самолет ждал своего звездного часа в моем почтовом ящике, настало время вытереть доску начисто и попытаться выразить словами, как я вижу эти три недели. Впервые в жизни я собиралась конкретизировать собственную мечту. Не лежать в темноте, пытаясь уснуть, прокручивая в голове какую-то нелепую сказочку, ничего общего не имеющую с действительностью. Не вздыхать со словами «эх, вот бы...» и тут же возвращаться к теплой рутине и комфортной предсказуемости. Впервые в жизни я сидела и прислушивалась к себе. Словно я, моя сущность, моя душа, занимают пространство целой комнаты, закрытой на замок. А я, другая, физическая оболочка, всеобъемлющий сосуд, прижимаюсь ухом к стене, пытаясь услышать, что же происходит там, за перегородкой.

Прилететь в Лондон. Доехать до побережья. Пересечь Ла-Манш на пароме и попасть во Францию. Гавр. (Не знаю почему, но мне необходимо было попасть в Гавр.) Нормандия. Замки долины Луары. Бордо, винная столица мира. Оттуда на самолете в Порту. И уже из Порту потихонечку спускаться с севера на юг, к Лиссабону. Да, Рождество в Порту, Новый год в Лиссабоне. Как же увлекательно скользить по карте мира и составлять свой маршрут в буквальном смысле методом тыка!

А первого января можно лететь домой. Как Новый год встретишь, так его и проведешь.

² Мы или слабеем, или закаляемся, на то и другое затрачивая одинаковый объем усилий. Карлос Кастанеда (англ.).

В середине декабря у меня день рождения. Мне исполняется тридцать лет. Всю жизнь я ненавидела день своего рождения, как я теперь понимаю, потому что никогда не делала то, что хочу, даже не пыталась прислушаться к себе. Принято устраивать застолья – и я устраивала застолья, не получая ни грамма удовольствия. Я не люблю привлекать к себе внимание в этот день. Мне не нравится приглашать людей, чтобы они мне говорили кучу всяких приятных слов просто потому, что я именинница. Каждый год за месяц до моего дня рождения меня охватывал ужас, а пережив день икс, я тут же старалась о нем забыть.

День рождения – тоже табула раса. Своеобразный Новый год, твой собственный. Мне хотелось этот день – *мой* день, день, когда я родилась, – посвятить началу новой эпохи. Мне хотелось в этот день делать то, что я хочу. А получалось, что постоянно на свой же день рождения я проживала представление об идеальном дне рождения других людей. Видение, которое ничего общего не имело с моим видением. Оттого и страдала.

Обретение внутренней свободы до гениальности просто. Но насколько оно просто, настолько и сложно. Словно ты закован по рукам и ногам в кандалы, и так тяжелы эти оковы, и так ты с ними свыкся, что совсем не замечаешь, что они не застегнуты, и для освобождения стоит лишь увидеть раскрывшийся замок, поднапрячься и сбросить их на землю.

День рождения в Париже?

Сначала я улыбнулась, а потом испугалась собственной дерзости. Ничего себе заявка, день рождения в Париже!

Но ведь мне исполняется тридцать. Я всегда мечтала увидеть Париж, и жизнь моя сейчас меняется вдребезги.

И потом, что мне мешает поехать в Париж на свой день рождения?

Ни-че-го. Ни-че-го. Ничего, кроме меня самой.

«День рождения в Париже», – написала я и улыбнулась. У меня на коленях лежала простенькая белая доска, испещренная кривыми черными буквами, но, облекая мечту в слова, мне казалось, что я, как художник, яркими мазками перекладываю на холст картину дивной красоты у меня в голове.

Никогда в жизни я не осознавала настолько остро, точно и четко, что я в состоянии слепить свою реальность собственными руками.

Так началась работа над «мечтой». У меня была стратегия, видение, общая картина – дело за тактикой. В моем еженедельном календаре так и значилось: работа над мечтой. Прекрасная работа. Я лежала под звездами и обдумывала свое путешествие. Я приходила после работы и искала жилье во всех многочисленных городах, в которых мне предстояло остановиться.

Я ехала скитаться, соприкоснуться с частичкой огромного мира, в котором я живу. Я ехала узнать людей и узнать себя. Я ехала, чтобы оставить по ту сторону Атлантического океана (оставить в году уходящем) всю боль и разочарование, раздиравшие мою душу. Я ехала, чтобы переродиться и... найти себя? Скорее, стать собой.

Я хотела пройти свой собственный путь. И планирование пути тоже стало своеобразным творчеством – правда, чаще всего я напоминала себе Дали, швыряющегося краской в огромный холст.

Но ведь так, ненароком, может получиться шедевр?

Прошел месяц. Настало время собирать вещи и готовиться к переезду. Эдвард, мой новый арендодатель, всячески пытался помочь. Он присылал фотографии моей новой комнаты, в которой он дважды сделал перестановку. Он предлагал мне переехать пораньше, если заточение в каморке станет совсем невыносимым. Он освободил угол в подвале для моих

пожитков, которые не помещались в комнате, и построил специальную полку в кухонной кладовой для моих двух тарелок, кастрюли, сковородки и кофейной чашки.

Я привыкла ничего не ожидать от людей, рассчитывать только на себя и никого не просить о помощи. Поначалу мне было немного странно и непонятно участие незнакомого человека, который проникся моей ситуацией и просто хотел помочь. Застрявшие по уши в собственном болоте, мы так часто не замечаем протянутой руки помощи.

И даже когда мы распознаем чужое сочувствие, мы по умолчанию его отвергаем. Нет, спасибо. Не надо. Я справлюсь. Я в порядке. Даже не думай. В то время как само предложение может, действительно, очень нам помочь. Иногда нам придает силы не столько помощь как таковая, сколько сам факт предложения помощи. Кто-то увидел твою боль и посчитал необходимым достучаться до тебя. Чужой человек не смог пройти мимо твоего горя и сделал шаг навстречу. И оттого, что в чьей-то самодостаточной вселенной хватило места и на тебя, неразбиваемая ледышка в груди начинает потихоньку оттаивать. Именно принимая чужую помощь, разрешая чужое участие в твоей судьбе, учишься открывать свое закрытое на сто десять замков сердце.

Переезд знаменовал лишь хорошее: теплая комната на втором этаже, бытовая помощь Эдварда, гибкие условия оплаты. Но в последний вечер в подвале мне стало страшно. Вроде только заехала и вот снова собираю вещи. Очередной виток, очередная перемена. Только я создала свой маленький оазис, как снова приходится его покидать. Мне, конечно, не привыкать выходить из зоны комфорта, но ведь смелость – это не отсутствие страха, а умение переступить через него.

Меня трясло от необходимости в очередной раз распихивать свою жизнь по коробкам (хоть и радовало, что с каждым разом мой походный быт упрощался и упрощался). Меня пугала неизвестность. Неизвестность всегда пугает. Это инстинкт самосохранения. Это нормально. Даже самым сильным людям иногда хочется спрятаться и носа не показывать наружу. Но надо действовать, адаптироваться к новым обстоятельствам, решать проблемы и выстраивать новые отношения.

На время остановив доведенную до конвейерного автоматизма упаковку вещей, я присела на красный матрасик, облокотилась о стену, и у меня перед глазами пролетели самые яркие воспоминания, пережитые мною за два месяца моего проживания здесь.

Вот я еду сквозь шквал дождя на разбитой «тойоте» в ночь, заглушаю рыдания картошкой фри в полной уверенности, что я напрочь похерила свою жизнь.

Вот я приехала в мой новый дом, открываю дверь в эту самую комнату, зажигаю свет, и меня встречает огромная сороконожка.

Вот я пришла на работу, после уик-энда отчаяния в подвале, а моя чудесная команда, бой-бэнд, сыплет своими шутками, настолько тупыми, что я смеюсь до слез и не могу остановиться, пока не понимаю, что смеюсь впервые за неделю.

Вот я скитаюсь по улицам, как побитая потерянная собака, ем, не чувствуя вкуса еды, плачу в туалете, а мне надпись на двери кабинки говорит, что все возможно, и я, уверовав, утираю слезы и иду дальше. Потому что все возможно.

Мне было очень страшно, но я нашла в себе силы поехать поздравить мужа с днем рождения. Потому что он был один, и ему было плохо.

А потом он опять запил, и я сходила с ума от неизвестности и безысходности. Это невыносимо – чувствовать себя виновником чьей-то боли, но понимать, что твое самопожертвование никому на пользу не пойдет.

Мои беспросветные ночи, залатанные короткими, отрывистыми всхлипываниями. У меня раньше никогда не было таких всхлипов. Инородные и инвазивные, они появлялись

невесть откуда и захватывали все мое существо, пока у меня не оставалось больше сил произвести еще один такой всхлип.

Однажды вечером я приехала к Марго пить вино. Мы упились в хлам, легли спать, а наутро кое-как собрали ее детей в школу и потащились на работу. И мне в тот вечер впервые показалось, что все не так уж и плохо. Что, может быть, все будет хорошо.

А потом пришел по почте матрас ярко-красного цвета.

А потом я решила наклеить фосфоресцирующие звезды над постелью.

А потом я вдруг почувствовала себя дома, вернувшись вечером в свой подвал. Потому что перестала внутренне напрягаться, переступая порог.

А потом я решила наконец пожарить котлеты на общей кухне и начать нормально питаться.

В лесу, в День благодарения, мое сердце впервые наполнилось ошеломительной, парадоксальной благодарностью за все, что со мной произошло.

Долгие пробежки под дождем.

Бюджет на неделю.

Улыбка по утрам.

Ярко-розовый коврик под ногами.

Букет цветов и клубника в шоколаде от тайного воздыхателя.

А потом мой телефон начал разрываться от звонков и сообщений друзей и подруг.

А потом я пришла к выводу, что для комфорта достаточно одной кастрюли, одной сковородки, двух тарелок, двух чашек – и матрасика толщиной с ладонь.

А потом я пробежала двадцать один километр и посвятила этот забег моему развалившемуся браку. Я бежала, прокручивая невероятные события, увлекательные и обескураживающие, веселые и грустные – события, которые мы вместе пережили, пока были вместе. Я думала об уважении, с которым мы относились друг к другу, и о боли, которую мы друг другу причинили. Почему я поступала так, а не иначе, ведь я никогда не пожелала бы ему вреда? Посмотрев на себя и свое поведение со стороны, я вдруг поняла своего мужа – и себя. И он, и я тонули в каком-то неразрешимом диссонансе, внутреннем конфликте. Пазл не складывался из-за нескольких кусочков, которые никуда не подходили. В идеально собранной картине прямо посередине оставалась дыра, и ее нечем было закрыть. От такого бессилия было больно и мне, и ему, и мы не могли найти иного выхода для этой боли, кроме как причинять боль друг другу. Настало время отпустить обиды прошлого. Я пересекла финишную прямую и написала ему эсэмэску. Надо уметь отпускать и уметь прощать, даже если смаковать обиду приятно и удобно. Но смаковать обиду – это удел жертвы, а позиция жертвы еще никого не сделала ни сильнее, ни счастливее.

Я вздохнула и посмотрела на малюсенькие окошки-бойницы, которые со временем стали мне милы. Целая жизнь за каких-то два месяца. Целая революция в голове. Полгода назад я представляла, как я из будущего говорю самой себе, что все будет хорошо. Но я не представляла, насколько поменяюсь, насколько стану сильнее, насколько проще стану относиться к жизни. Я не знала, какое значение имеет маленькая помощь чужих людей, оказавшихся рядом в нужном месте в нужное время.

Я поблагодарила Вселенную за все, что пережила, и за все, что приобрела, – и понесла коробки на улицу, грузить машину.

А дальше началась бешеная гонка. Я танцевала ночи напролет, ходила на свидания, плела корпоративные интриги, креативила, плакала, смеялась, ела, молилась, любила, переживала, впадала в депрессию, выходила из депрессии, блистала на презентациях и тщетно пыталась прыгнуть выше собственной головы. А потом, в один прекрасный день, я поняла, что задыхаюсь в этом калейдоскопе бессмысленных, поверхностных событий, и испугалась – мне показало-

лось, что все выходит из-под контроля. Кое-как я закончила свои дела на работе, распустила ухажеров, собрала вещи, и, особо ни с кем не попрощавшись, улетела на три недели скитаться по Европе.

* * *

В моей груди
Сердце
Своенравной птицы —
Она в неизвестность стремится,
Она не приемлет границ.

Из пламени ее
Перья,
Из стали ее
Когти,
Она рассекает вечность
Скомканных жизни страниц.

Она исчезает в небе,
Где голубое солнце,
Где золотые тучи,
Где ласковый, теплый дождь.
Ее дыхание – ветер,
Она знает вкус свободы,
Ее жар не тушат воды.
Ее свет не затмит
Ночь.

Она летит,
Не зная,
Где у нее
Стая,
Кто же она такая,
Ее память – столетий вихрь.
Она летит
В вечность
Свободы бесконечной.

В моей груди – птица,
А в птице – целый мир.

Часть вторая Другая реальность

Глава 5 Вниз по течению реки Темзы

Я прибыла на остров Туманного Альбиона крохотным ступком напряжения в двести двадцать вольт, готовым в любой момент коротнуть, вспыхнуть и исчезнуть, словно его и не было. Я сидела, сложившись в три погибели, в узком кресле, уткнув голову в иллюминатор, и пыталась избавиться от неприятного, неудобного чувства неопределенности, недосказанности. Мы еще не приземлились, а мне уже казалось, что все идет не по плану, и исключительно по моей вине. Недоработала, недодумала, все делаю не вовремя и невпопад. Прямо как в моем браке, недавно развалившемся. Могла довести до ума, а вместо этого...

Полет я провела в сумбурном споре с самой собой. Я из прошлого – та, которой нет места в будущем, – мешала предаться восторгу первооткрывателя. Прислушаться к себе тоже не удавалось – спор шел на повышенных тонах. Я из прошлого не унималась, напоминая, что, пусть я и сбежала на самолете от всего и всех, от себя так просто не отделаться.

Неизвестное будущее, неумолимо приближающееся, подобно снежной лавине, спускающейся с гор, пряталось за плотным, непроницаемым занавесом. Он не пускал на другую сторону испуганную девочку, которая продолжала оборачиваться назад.

Вот только прошлое уже кануло в Лету, будущее еще не наступило, а я проснулась в самом что ни на есть настоящем, постоянно и неумолимо требующем от меня действий и решений – четких, без промедления. Плыть по течению больше не значилось в списке возможных вариантов развития событий. Это одновременно вдохновляло и пугало.

– Уважаемые пассажиры, наш самолет начинает посадку...

Голос пилота вырвал меня из глубокого тяжелого сна, которым забываются люди, обессиленные физически и израсходовавшие под ноль свои эмоциональные ресурсы. «Уже?!» – промелькнуло у меня в голове, и я почувствовала, как меня накрывает раздражающая неуверенность – не стопроцентная уверенность. Такое бывает у отличников, которые идут на экзамен, не готовясь, потому что и так знают предмет, но не могут избавиться от мысли, что стоило накануне немного позубрить, на всякий случай (это про меня). Или когда выезжаешь в непогоду на машине, а у тебя бензина едва на доньшке плещется. Заправляться в ненастье неохота, вроде должно хватить, и едешь без дозаправки, стараясь лишний раз не трогать педаль газа, и проклинаешь свой глупый авантюризм, но ничего не можешь с ним поделать (тоже про меня).

В салоне царил ленивая суэта людей, растягивающих последние минуты состояния «душевного нейтралитета», когда ты (в буквальном смысле) между небом и землей, между точкой А и точкой Б, до тебя не дозвониться, не достучаться ни в один из многочисленных мессенджеров. Пока ты в воздухе, ты предоставлен самому себе. Ты удивительно свободен, парадоксально свободен – ведь ты полностью зависишь от адекватности и профессионализма пилота и ограничен пространством тесной железной птицы, набитой тремя сотнями человек.

– Я лечу над Великобританией, – пробормотала я, потирая глаза.

Да, сегодня воскресное утро, и совсем скоро я приземлюсь в лондонском аэропорту Гатвик. А вот вчера я проснулась посреди огромной постели в отеле города N***. Одна. Обнаженная и, впервые за много месяцев, с выражением безмятежности на лице. Принц, конечно же, имел место, но, как в сказке про Золушку, только до полуночи. Мне было жаль, что принц

не мог остаться до утра, потому что я, разведенная и свободная, остаться до утра как раз могла. Отныне я могла делать все, что угодно...

– Через день я буду в Лондоне, – мечтательно говорю я ему, блаженно улыбаясь. Мы стоим под душем и скользим мыльными телами друг по другу. Я ловлю ртом капли воды и пробегаю кончиками пальцев по его бицепсам, трицепсам и прочим дельтовидным и трапециевидным.

После горячего душа в комнате холодно и неудобно. Оттого что он уходит, тоже неудобно, но совсем чуть-чуть. Я знаю, что, когда перевернется страница, он останется в прочитанной половине книги. Потому мне и жаль, что я с ним так и не проснусь. Он заранее поздравляет меня с днем рождения и всеми зимними праздниками. И уходит. От него остаются лишь крепкие поцелуи у меня на теле, недопитая бутылка газировки на прикроватной тумбочке и два ваучера на завтрак в гостиничном ресторане на его фамилию.

«Я спала блаженным сном, – строчу я утром ему сообщение, потягивая кофе и с удовольствием жуя жареную картошку с яичницей. – Лучше могло быть, только если бы ты был рядом. Не помню, когда я последний раз просыпалась такой отдохнувшей».

Зато я очень хорошо помню последний раз, когда я завтракала в этом отеле. Полгода назад. Я опять сбежала со скандалом из дома в десять вечера и приехала сюда на электричке. Проведя ночь в предсмертной агонии того, что когда-то именовалось браком, и замерзнув под шумным нещадно морозившим меня кондиционером, я сидела в этом же ресторане, как побитая собака, глотая слезы вперемешку с дольками грейпфрута и черствым круассаном.

Хорошо, что последняя моя ночь в этом году в Канаде прошла здесь. Символично. Я люблю переворачивать страницы, замыкать круги и закрывать гештальты...

Кстати, о завтраке.

Стюардессы разносили кофе и кекс. Я протиснулась в уборную и внимательно посмотрела в зеркало на свое отражение. На лице отпечатались привычка париться по поводу и без повода. Я провела ладонями по теплым после сна щекам. Такой я уже не буду никогда. У меня есть двадцать один день, чтобы свести на нет одни привычки и привить другие. Я еще не знала, что это за привычки и в чем суть моего просветления. Я до конца не понимала цель моего паломничества. Я пустилась в путь, потому что не могла оставаться на месте. Я пошла, потому что не могла не идти.

Прощай, подруга. Мы много пережили, нам было и весело, и больно, и страшно, но мы держались вместе, как преданные друг другу соратники. А теперь нам пора расстаться. Ты останешься здесь. В уходящем году. Я же уйду вперед, в год грядущий. И однажды, через месяц-другой, я наткнусь на письма, которые ты писала, и ты мне покажешься совсем чужой. Мне будут непонятны твои страхи, твоя боль, но мне будет тебя искренне жаль. Прощай.

Я вернулась на свое место. Болтливая пассажирка справа от меня снова включила пулеметную очередь своих рассказов. В самом начале полета ее беспокойное соседство меня немного расстроило, ведь она мешала мне погрузиться в суровые думы о смысле жизни на сон грядущий. Наверное, к лучшему. Специально пытаться вывести новую формулу успеха – бесполезно. Просветление не наступает добровольно-принудительно. Оно наступает случайно, во время долгого пути. Надо сменить окружение, заставить себя жить в других условиях, в другом ритме и, отталкиваясь от этого, что-то понять (и принять) о себе и о жизни.

Самолет вынырнул из облаков, и, к моему удивлению, в иллюминаторе зазеленели широкие лоскуты полей. В декабре Англия встречала меня без единой снежинки. Мы спустились еще ниже, пролетая над автомагистралью. Плотный поток машин ехал в обратном направлении. Левостороннее движение. Это не сон, я и правда в Англии.

Первая остановка. Три дня в Лондоне. Из аэропорта на электричке до станции Виктория. Пересесть на метро. Доехать до Elephant & Castle. И там пешком минут десять.

У меня не было никаких ожиданий. Никаких надежд.

Tabula rasa. С чистого листа.

И тут я наконец поняла причину гложущей меня неуверенности: я забыла дома собственноручно составленную развлекательную программу моего путешествия. Гиперответственная я – та, что пытается предусмотреть каждую мелочь и страдает каждый раз, когда что-то идет не по плану (а обычно все идет не по плану), – еще месяц назад начала расписывать мой досуг, день за днем.

Оказалось, что и эту, гиперответственную, придется оставить в прошлом.

Первый шаг за пределы зоны комфорта – выкинуть подробный список дел и четкий план действий.

Первый шаг на пути к свободе – свыкнуться с потерей (мнимого) тотального контроля над ситуацией.

Но фаааак.... как же мне это мешало. Подобно фантомной боли, я остро переживала отсутствие придуманного мною ориентира, словно правильно расписанный день/месяц/год гарантирует счастье и успех.

Я стою в очереди на паспортный контроль, разминая затекшие за время перелета ноги. Вереница людей извивается нескончаемой змеей. Я теряю терпение. Я не выношу очередей. Ожидание напоминает мне о собственной смертности. О быстротечности времени; о том, что я за ним не поспеваю; о том, что я сама за собой не поспеваю. А мне еще электричку искать. И oyster card оформлять. Интересно, а почему в Лондоне проездной называется устричной картой?

– Ты прям как устрицы, – сказала я однажды моему принцу, – я обожаю устриц, но это блюдо не на каждый день. Тебя кто-нибудь до меня сравнивал с устрицами?

(Ответ был отрицательным.)

Вынырнув из меланхолии эротических воспоминаний, я вернулась в настоящее. Устричный Принц больше не имел значения, хоть я и послала ему на прощание свою фотографию, попросив иногда думать обо мне.

Я подключилась к вай-фаю и сообщила всем, что жива-здорова.

И вдруг вспомнила, что теперь я сама по себе. Мне больше не надо ни на кого производить впечатление. Отчитываться не перед кем. Нет нужды искать общие знаменатели в диаметрально противоположных представлениях двух людей о том, что такое хорошо и что такое счастье.

Я больше никому ничего не должна.

Я вообще никому ничего не должна.

Мне тут же полегчало. Мне больше не нужен забытый дома план действий.

Я просто приехала. Жить.

Мало что может сравниться с восторгом первой встречи с новым городом. Мною овладевает безудержное веселье, а лицо само по себе расплывается в улыбке, как только я погружаюсь в пленительный мир своенравных улиц, пропитанных живой историей, до абсурда аутентичной культурой и пикантностью неизведанного. Я словно иду на первое свидание с новым мужчиной. Адреналин по венам, сердцебиение, граничащее с тахикардией, и будоражащие воображение предположения – как пройдет наша встреча, чем он меня зацепит, о чем я буду вспоминать на следующее утро... Ну а если объект вождения не оправдает надежд или не окажется чем-то из ряда вон выходящим – такие же попытки найти очарование в трющобной экзотике

его пошлых татуировок или, если это свидание с городом, в уродливых граффити на вагонах метро.

Лондон я хотела увидеть очень давно. Уроки английского языка, тысячи страниц английской литературы, специфический английский юмор (на любителя, как сыр с плесенью), изысканный говор, салют на фоне «Лондонского глаза» в новогоднюю ночь по телевизору, воспетая Оскаром Уайльдом осенняя Темза...

Однако на первый взгляд и вздох, город никаких бабочек в животе не всколыхнул. Сердце билось индифферентно-спокойно, а попытки саму себя воодушевить кончались полным крахом. Кремень, ударяемый об огниво с тупым незаинтересованным упорством, искру не давал.

Оставшись наедине с собой, вдали от бытовых проблем, дебетово-кредитовых несостыковок и уже несуществующего брака, мой мозг запустил два параллельных, иногда взаимопротиворечащих процесса.

В первый же день я наконец-таки погрузилась в траур. Мне было больно. Мне хотелось плакать. Мне хотелось спрятаться в углу и провалиться под землю. Даже отвлекаясь на логику передвижений по городу и обустройство на новом месте, мозг каждые полчаса находил какую-то привязку к прошлому и снова выводил меня на взлетную полосу вселенской скорби и тупого полуживотного отчаяния. А я думала, что этот этап уже пройден... Злость на судьбу сменялась обидой за себя любимую, затем гневом по отношению к «обидчику», затем чувством вины перед тем же «обидчиком», ну и на десерт включалась жалость к самой себе.

Помимо оплакивания уже перевернутой страницы моей истории, во мне поднималась нарастающая волна сопротивления. Зачем я сюда приехала? Что я здесь забыла? Куда я пойду? Невозможность микроменеджмента собственной жизни в предлагаемых обстоятельствах сковывала волю и отключала всякую инициативу.

Кое-как взяв себя в руки, я села на метро и доехала до запомнившейся мне по пути в хостел станции, London Bridge. Мне казалось, что надо выходить именно там.

Если вы поглощены каким-нибудь бесполезным занятием, отвлекающим вас от настоящего, – будь то самоедство, сомнение в правильности собственных действий, внутренний монолог, больше похожий на беспощадную тираду, спиритический сеанс с призраками прошлого, муссирование ужаса перед будущим, лучший способ вернуть себя к действительности – это устроить себе небольшую встряску. Заставить свою физическую оболочку немного пострадать (нашим изнеженным телам много не надо) и таким вот обманным путем вернуть мозг в эволюционное состояние выживания, в котором нет места пустопорожним размышлениям. У меня все получилось просто и ненарочно – я мучилась сменой часовых поясов, была одета не по погоде и уже успела потеряться в сумеречных переулках по-диккенсовски мрачного и по-диккенсовски уютного Лондона.

Пройдя по опустевшим рядам Боро-маркета и окончательно продрогнув, я выпила стакан глинтвейна и двинулась сквозь тьму по направлению к Тауэрскому мосту. Туда мне и дорога.

Ночной мост оказался великолепным. Грандиозным, сказочным, волшебным. Его праздничное сияние отражалось ярким заревом в холодной ряби Темзы и кончиками башен терялось в облачном небе. Тяжеловесное величие разводного исполина угадывалось издали.

– Это и есть тот самый Тауэрский мост, – сказала я себе, сделав первый шаг и словно вынырнув из моего бесчувственного забытья. Сложно переживать по поводу еще не наступившего будущего, когда в настоящем тебя окружает такая красота.

На мосту царило туристическое оживление. Пешеходы фотографировались, смеялись и грызли обжаренный в карамели арахис с легкомыслием людей, сбежавших на несколько дней – или на несколько часов – от наскучившего быта.

Я пересекла дивный мост три раза и пошла гулять вдоль реки. Дул холодный ветер, но что-то в моей душе, уже давно находящейся в оборонительном режиме, начало оттаивать. Я словно позволила себе надеть розовые очки и, широко раскрыв глаза, смотреть на прекрасный

мир, который меня окружает. Правда, в темное время суток очки не нужны – ночь сама по себе и пленит, и манит, и, как искусная соблазнительница, завязывает глаза тонким, полупрозрачным шелком, придающим всему вокруг особое очарование, исчезающее с первыми лучами солнца.

...Я тогда еще не знала, что знакомство с каждым городом на моем пути будет начинаться с такого вот ночного волшебства.

«Осколок» разрывал темно-серые тучи ломаным оранжевым пламенем, геометрически выверенные кубы культурно-развлекательного комплекса мерцали неоновыми фиолетовыми, обреченный на реставрацию Биг-Бен выглядел белым циферблатом сквозь частокол лесов, рядом Вестминстерский дворец проливал желтые потоки света прямо в Темзу, а посреди возвышался ярко-красным колесом тот самый «Лондонский глаз».

Но вопреки моей любви ко всем без разбору колесам обозрения, заключенная в его прозрачной капсуле, я впала в уныние. Там, у подножия, город жил, дышал, суетился и не хотел ложиться спать. Я же оставалась наедине с самой собой и с моим отвращением к праздникам. Не сложились у меня отношения с ними, и все тут. Соседи по капсуле с упоением щелкали контент для своих Инстаграмов, а я сидела на краю скамейки, дрожала от холода и презирала их за то, что им так хорошо и просто.

...И снова ночь перед отлетом. Я сижу посреди огромной кровати, завернутая в большое белое гостиничное полотенце, и пристально наблюдаю, как Устричный Принц натягивает на себя джинсы и заправляет в них футболку. Можно достичь поразительного безразличия к человеку, одним поцелуем вызывающему у тебя неистовую страсть, – если он тебе не принадлежит и никогда принадлежать не будет. Но безразличие – это защитная реакция. Мне немного грустно, что он уходит, – в моем ненаписанном рассказе о нем он остался до утра, перед тем как исчезнуть навсегда.

– А ты знаешь, что будешь делать в Лондоне? – вдруг спрашивает он. – Сходи в «Ковент-Гарден», тебе понравится, это место как раз для тебя.

Почему для меня? Что он вообще обо мне знает? Когда-то мне было жаль, что у него недостаточно времени и возможности оценить глубину моего интеллекта и размах моей харизмы – не потому, что не способен, как раз способен, оттого и жаль. А теперь мне все равно.

– «Ковент-Гарден» и Лейстер-сквер. На Лейстер-сквер постоянно что-то происходит. Каждый раз там какая-то кинопремьера, звезды ходят по красной дорожке, оперу поют прямо на улице.

Мне сложно представить его посреди площади, заполненной звездами и праздной толпой. Праздность – это не про него.

«Ковент-Гарден» почти опустел, только у телефонной будки стоит уличный музыкант, окруженный толпой слушателей, и играет на гитаре. Я проталкиваюсь вглубь толпы и растворяюсь в их эйфории. Музыкант играет The Scientist группы Coldplay. Люди поют, хлопая в ладоши, и раскачиваются из стороны в сторону. Я греюсь их теплом и лечу в своем собственном потоке сознания. Мне больно, и боль эта совсем родная и знакомая, изученная вдоль и поперек. Боль потери. Потери человека, который когда-то был лейтмотивом моей жизни. Потери почвы под ногами. Потери предсказуемости завтрашнего дня – я так долго думала, что предсказуемость и есть залог успеха. Я все еще осваиваю привычку ежедневно выходить из зоны комфорта, но делаю это первоклассно – с высоко поднятой головой, уверенной походкой, на высоких каблуках и с лучшей из моих улыбок.

В душу полилась сладкая грусть. Сладкая, потому что каким-то шестым чувством я вдруг наконец ощутила начало пути – нового пути в новую жизнь. В жизнь, которую я могу окрасить в те цвета, что мне заблагорассудится. В жизнь, в которой я смогу осуществить свои

мечты, какими бы странными они ни казались. Я слишком много говорю о собственных мечтах? Наверное, потому, что последние без малого тридцать лет я с упоением проживала чужие мечты, откладывая свои до следующей реинкарнации. Так что мне можно.

На Лейстер-сквер я долго стояла перед закрытой театральной кассой. Завтра куплю билет и пойду на мюзикл. Сегодня же поеду домой спать, ибо валюсь с ног после перелета, а завтра с новыми силами отправлюсь покорять Лондон.

Выпив напоследок чашку густого горячего шоколада, я прошла по нарядным улицам на Трафальгарскую площадь. Место, о котором я столько читала в школьных учебниках английского языка. Как и утверждалось в учебниках, рядом с колонной Нельсона стояла новогодняя елка. Правда, в детстве я и площадь представляла необъятной, и елку непременно в десять обхватов, а в действительности и то и другое не соответствовало заданному воображением масштабу.

Разочарования не было. Казалось, что в Лондоне я уже была – в детстве – и смотрела на главную площадь с высоты своего десятилетнего роста. А теперь приехала взрослым обитателем бетонных джунглей, и все показалось мне аккуратным и маленьким.

Так бывает. Нам постоянно хочется заранее все придумать и додумать.

Не надо обманываться. Не надо строить иллюзий.

Надо брать и делать. Или брать и ехать.

Глава 6

Начало начал

Все в жизни бывает в первый раз. Впервые проведя ночь в хостеле на нижней полке двухэтажной кровати, где, кроме меня, спало еще десять незнакомцев, я проснулась по будильнику, умылась и отправилась завтракать. За столом сидели путешественники с разных концов мира и уплетали бутерброды с сыром и ветчиной. Новая реальность старательно вытесняла старую, но призраки прошлого не сдавались. По привычке я было почувствовала себя несчастной, но усилием воли переборола уныние и начала потихоньку наслаждаться новизной обстоятельств. Покончив с завтраком, я облачилась в нарядное платье-свитер, расшитое блестящей нитью (мое платье на выход), и пошла знакомиться с Лондоном заново.

Ночное очарование спало, и при тусклом свете дня город оказался совсем другим. Менее загадочным, менее интригующим. Но очень знакомым. Я шла по улицам, пила кофе, спускалась в метро, и все происходило... как само собой разумеется, как будто так и надо. Как после ночи любви просыпаешься с мужчиной, вы идете завтракать, и вам легко и просто, и в голове не зудит навязчивое желание поскорее от него избавиться или самой куда-нибудь сгинуть. Лондон мне сразу «зашел», без адаптационного периода. Может, потому, что таким я себе его и представляла.

Но насколько он был великолепен вечером, настолько хмур и уныл он оказался утром. Особенно в понедельник. Хоть я и не против понедельников. Каждый понедельник – тоже табула раса. Новая неделя, новая страница, новый шанс что-то изменить. Я решила, что план на день есть. Прикоснуться к истории, погрузиться в искусство, а потом спуститься на землю и немного загулять. Ведь Англия – это страна пабов.

Начала я с размышлений о вечном в Национальной галерее. Подключившись к бесплатному вай-фаю, телефон завибрировал от сообщений, в нетерпении ожидавших прочтения в чистилище вечного облака.

«В Париже погромы, – пишет сестра. – Ну, хоть сейчас... может, через неделю пройдет».

Прислушавшись к собственной интуиции и начитавшись о желтых жилетах, я еще до отъезда пришла к выводу, что все обойдется, но не могла ей этого сказать, боясь показаться легкомысленной. Я почти осязую ее беспокойство и проецирующийся на меня через расстояние страх. Усилием воли я стряхиваю его на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.